

I. Переводы призеров 2014 года

ПЕРЕВОДЫ АННЫ СКОПЫЛАТОВОЙ

АЛЕК ПОПОВ

ALONG THE CABLE

Петер Моканин, стройный русоволосый цыган с кудрявыми усами, сидел во дворе и жег кабели. От огня исходило резкое синтетическое тепло, которое сливалось с послеобеденной жарой. Мужчина был раздет по пояс; по его рукам, словно озорные бесенята, ползли синеватые татуировки. Густой, едкий дым поднимался к небу и заслонял солнце. Горящая пластмасса шипела и тяжелыми каплями падала на землю. Пш-пш-пш... В стороне вертелся большой лохматый пес и рычал на огненные капли. По груди Моканина стекали струйки пота. Временами ветер направлял дым ему в лицо, и его глаза наполнялись едкими слезами. Языки пламени хищно грызли толстый кабель. Как только они обглаживали одну часть, мужчина подавал им новую порцию, и так до тех пор, пока кабель не превращался в черный закоптелый провод. Так он уже обработал несколько кусков. Это было самой нудной частью его ремесла, но ее нельзя было пропустить. На заводе принимали только чистый металл. Таковы были правила.

Из транзистора, закрепленного на кирпиче за его спиной, доносился живой ритм бесконечного восточного танца. Он закрыл глаза и представил себе обнаженную талию танцовщицы: белый, слегка втянутый живот игриво покачивается между бахромой короткой блузки и низко спущенными шароварами. В пупке у нее сияет яркий алмаз. Камень подскакивает в такт с напряженными мышцами и рассыпает отблески, словно электрические искры. Молодой цыган застыл, околдованный дивным зрелищем. Кабель прогорел почти до его рук. Собака бдитительно тьякнула. Он тряхнул головой, размотал еще провода и глубоко вздохнул. Нелегко жилось Моканину, но если бы сейчас, скажем, ему предложили вернуться в город и поступить на службу, он бы презрительно рассмеялся. Да разве есть большее счастье на свете, чем быть хозяином самому себе? Бродить по необъятной равнине в жару и холод и знать, что нет над тобой никого, кроме Аллаха! Откуда исходило это мощное чувство свободы, Моканин не понимал, только смутно догадывался... Вот, приходили разные люди, прокладывали кабели – под землей, над землей, – опутали весь мир своей сетью, а потом приходил он, отрубал кабели, оголял их медную сердцевину и сдавал в металллом. И вправду удивительно.

Внезапно собака вскочила и залилась яростным лаем. Моканин поднял голову. Вдалеке, на шоссе, остановился старый побитый москвич. Машина

была с прицепом. В нем лежала какая-то понурая коза с желтоватой, местами облезлой шерстью. У ворот суетился глуповатый на вид здоровяк с опущенными плечами, в выгоревшей шапке лесника. Ему явно хотелось что-то спросить, но он не решался войти.

– А ну лежать! – крикнул Моканин псу и подал знак незнакомцу подойти.

Мужчина прошел мимо обрывков кабеля, разбросанных по двору, пробормотал «Добрый день», обернулся на дорогу, снова пробормотал «Добрый день» и замолчал. Много народу побывало у Моканина за эти годы, много горя он узнал, вот оттого-то он сразу же догадался, что и у этого незнакомца крестьянина какая-то тяжелая забота. «Вот ведь, ходят и ходят!» – подумал он.

– Что тебя привело сюда, мил человек?

– Да дело-то... Чего уж там! – махнул рукой здоровяк и неожиданно спросил: – Это ты Петер Моканин?

– Я... – ответил молодой цыган и насторожился. – А ты кто такой?

– Гуня, – вздохнул мужчина.

Моканин перевернул проволочный ящик и пригласил его сесть.

– Где-то я тебя, Гуня, видел... Откуда ты?

– Из Георги-Димитрово... Сейчас оно зовется Маленькая Августа.

– Надо же!.. И как там в ваших краях? – подхватил Моканин. – Кабели-то есть? А то здесь совсем не осталось...

Здоровяк вздрогнул и бросил на него долгий испытующий взгляд.

– Есть, – сказал он осторожно. – Как же не быть?

– А здесь уж совсем не осталось... – повторил Моканин и посмотрел на столбы вдоль шоссе. Над ними кружили стаи ласточек. Подходил конец лета, и птицы сбивались в стаи, чтобы лететь на юг. Он вспомнил, что когда-то тысячи ласточек садились плотным рядком на провода и густо нависали над дорогой, словно острые лезвия бритвы. Ему это не нравилось. Ему казалось, что они предвещают беду. Этой весной Моканин снял провода, чтобы их продать, и сейчас птицы напрасно искали место, куда бы сесть, метались туда-сюда и пронзительно щебетали. «Вот ведь напасть!» – сказал он себе.

– Я от Сали, – сказал Гуня после неловкого молчания.

– От какого такого Сали? – прикинулся дурачком Моканин.

– Да этого... Автомото. Ты что, не знаешь его? – забеспокоился крестьянин.

– Ну, ты бы так и сказал! – хлопнул его по плечу Моканин. – Тот самый Автомото! Мы с ним еще с каких времен знакомы, эхе-хеее! Как он там сейчас? Что подделывает?

– Да вот, мастерит что-то вроде таких, знаешь, больших БМВ... – оживился Гуня.

– Ого! Не знает усталости человек, – покачал головой Моканин. – Золотые руки у него!

– Ага, золотые... – закивал Гуня без особого энтузиазма. Явно что-то другое было у него на уме.

– Да и сердце у него золотое, – продолжал увлеченно молодой цыган. – Только и думает, что бы такое хорошее сделать. Приходит к нему человек: так и так, мастер Сали, беда у меня. А он тут же: беги к Моканину, он знает, он делу поможет... Чтоб его, Сали Яшара! Ну да и я к нему посылаю разных людей время от времени... Так что мы еще составим друг другу пару!

– Как? – вытаращил глаза крестьянин.

– Тебе не понять, Гуня, не твоего ума, – сказал ему Петер Моканин. – Ну так что у тебя за проблема.

– Да это... оно, кажись, не совсем по закону, – подхватил Гуня, склонив голову, – но я что, знаю, что ли... Он, луг этот, принадлежит мне, а только вот этот кабель пакостит...

– Какой кабель? – наострил уши Моканин.

– Да вот такущий! – сказал Гуня и растопырил свои гигантские ладони.

– Да ну! Такой? Где?

– На лугу. Точно по низу проходит.

– Серьезно?

– Ну да. Страшная беда! – простонал Гуня. – Я луга-то этого и не хотел. Выпал мне по жребию, в минувшем году, как землю делили... Вечно все на мою голову!

– Ты о кабеле расскажи! – напомнил ему Моканин.

– Ох, нет конца нашим несчастьям! – запричитал здоровяк. – Месяц назад иду я пасти козу. Должно быть, полдень был, пекло такое. А луг находится над селом, почти у леса. Я сажусь в теньке отдохнуть. Коза бродит возле, щиплет то тут, то там, и вот гляжу я на нее через какое-то время – легла она в одном месте, посреди луга. Зову ее, чтоб в тенек пришла. А она – ни в какую. Ну, говорю, и лежи тогда там, хоть ты тресни от жары, раз такая упрямая. Потом я заснул. Час ли, два прошло – не знаю. Просыпаюсь, смотрю – коза еще там. И не пошевелилась!

– Да ну! – вырвалось у Моканина.

– Ну да! – сказал Гуня. – Спустился два дня снова идем на луг, и коза – хлоп, на то же место. Лежит, не шевельнется. Ну, сказал я себе, в этом что-то есть. Я слышал, что когда коза так приметит себе какое место, значит, там точно клад зарыт.

– И я так слышал, – подтвердил Моканин.

– Да, но... Увы! – с болью выкрикнул крестьянин. – Все на нашу голову валится!

– Кабель, да?

– Кабель, чтоб его! – процедил сквозь зубы Гуня. – С той поры коза моя стала чахнуть. И молоко ее стало такое... синее.

– Пряма-таки синее! – недоверчиво взглянул на него Моканин.

– Не веришь, да? – сказал мужчина. – Пошли!

И почти насильно повел его к москвичу.

Коза лежала на охапке соломы и смотрела на обоих мужчин кроткими, печальными глазами, как будто хотела сказать: «Не мучьте меня, люди!» По спине ее ползало несколько мух.

– Нонка, девочка! Встань, пусть человек посмотрит! – сказал Гуня, отогнав мух широким взмахом руки.

Коза душераздирающе заблеяла. Он заботливо подхватил ее и поставил на ноги. Снизу белело тяжелое раздутое вымя. Гуня подергал волосатый, продолговатый сосок. Забила яркая синяя струя.

– Мама родная! – воскликнул Моканин. – А на вкус? Как оно на вкус?

– Еще хуже, – поморщился Гуня. – Я раз глотнул, так, попробовать только. Горьковатое, а потом как дало мне в голову... Весь день ходил, будто пьяный, и такие вещи видел, что и не перескажешь.

Ох-ох-ох, – посочувствовал Моканин. – А к доктору ты ее водил?

– Докторы! Сколько докторов обошли... – фыркнул Гуня презрительно. – Я хорошо, что пошел к Черной Марии. Все ей рассказал, а она сразу и говорит: так и знай, Гуня, здесь все зло идет только от этого кабеля. Из-за кабеля больна скотинка! Убери ты этот чертов кабель, а не то вся твоя скотина подохнет, да и ты следом!

Так и сказала. С той поры мне не спится. Не смею подойти к лугу. Другие уже все скосили, убрали сено, только мой луг так и стоит. Трава полегла, тяжелая такая, блестящая и жесткая, пахнет железом... Говорят мне – эй, Гуня, ты что луг все не скосишь? Но я-то не дурак...

– И тогда, – продолжал Гуня, – пошел я к Автомото. Я прикинул, что, раз этот Сали понимает в машинах, наверняка понимает и в проводах. Нет, говорит он, я в проводах не понимаю. Крыло на колесо могу смастерить, бампер поправить, по двигателю если что нужно – это всегда пожалуйста. А вот кабелями я не занимаюсь. Иди к Моканину, это он по проводам. Нету, говорит, лучшего мастера, чем он, по проводам... Так что? Это ты самый лучший мастер?

Но Моканин его не слушал. Внизу, у покосившихся цыганских хибарок показалась Албена. Ее вели двое полицейских. Ее груди свободно колыхались под тонкой блузкой. Ее походка была грациозна и небрежна, как у зрелой женщины, хотя ей не было еще и пятнадцати. В глубоком разрезе юбки мелькали ее стройные округлые бедра. На ногах у нее были шлепанцы.

– Что она опять натворила? – спросил Моканин, когда они поравнялись.

– Она-то знает! Она знает! – проворчали мужчины.

Албена посмотрела на него томными влажными глазами. Несколько блестящих кудряшек вились по ее голой шее.

– Дружочек, ты очень красивый, милоч... – тихо произнесла она глубоким голосом и улыбнулась ему сладко, маняще.

– А ну пошла, напасть божья! – подтолкнули ее полицейские.

Но она не шевельнулась. Ее лицо, все с той же улыбкой, поблескивало на жару, как будто его окунули в прозрачную слизь... Полицейские схватили ее под мышки и потащили к служебной ладе, стоявшей у дороги. Блузка де-

вушки приподнялась, под ней сверкнул ровный матовый живот. В пупке покачивалась крупная бусина. Сердце Моканина захолонуло.

– А это кто такая? – толкнул его Гуня.

– Мы зовем ее шалавой, – ответил Моканин, замороженный игривыми отблесками бусины. – Не к добру... – прошептал он.

– Что ты сказал? – испугался крестьянин.

– Говорю, давай бросим это дело, а?... – сказал молодой цыган, почесав за ухом.

Полицейские затолкали Албену в машину и поехали. За секунду до того, как машина исчезла в облаке пыли, Моканин увидел лицо Албены сквозь заднее стекло – она показала язык.

– Не надо так, дружище! – начал упрашивать Гуня. – Ты моя последняя надежда. Мы люди бедные, нам нужен этот луг!

– Ну не знаю... – вздохнул Моканин. – Эта Албена накличет на нас беду.

– Ну вот еще и ты! – подхватил Гуня. – Вроде смыслишь в электричестве, а испугался какой-то девки...

Моканин задумался.

– Толстый, говоришь... – сказал он чуть погодя.

– Еще какой! – сказал Гуня и снова скруглил ладони.

Моканин посмотрел на его руки, прищурил глаза, прикинул что-то в уме и сказал:

– Погоди-ка, я возьму инструменты.

Из леса веяло прохладой, запахом грибов и мокрой листвы. Небо под тяжестью звездной россыпи почти касалось труб на домах. Фонари на главной площади горели. Из кабака доносилась музыка. Кое-где мерцали лиловые экраны старых телевизоров. Двое мужчин взобрались на холм над селом и остановились передохнуть.

– Эх, какая ночь! – сказал Моканин, положив мешок с инструментами на землю.

– А нас не увидят? – прошептал Гуня.

– Это твой луг?

– Луг-то мой, но вот кабель... Я почему знаю?

– И кабель твой! – отрезал Моканин.

– Ну, Нонка, пришли! – сказал Гуня и направился через высокую влажную траву, гудящую от звуков.

Коза засемила позади него, как пьяная. Ее вымя глупо моталось туда-сюда. Цыган пошел за ними. Какое-то время они шли молча. Потом остановились. Моканин осветил фонариком. Они стояли у широкой ямы. На дне гладко поблескивал толстый черный кабель.

– Вот он, чтоб ему! – процедил сквозь зубы Гуня.

Моканин ничего не сказал, сунул фонарик ему в руки и спрыгнул в яму.

– Этот кабель, должно быть, очень старый, – заключил он, осмотрев его со всех сторон. – Ножницами не получится... Надо рубить.

Потом он выполз из ямы и развязал мешок. Натянул толстые резиновые рукавицы, надел темные очки, схватил топор и слез обратно.

– Берегись! – крикнул он и замахнулся.

Хрясь! Хрясь! Готово. Искр не было. «Вот черт, мертвый кабель!» – сказал он про себя немного разочарованно и снял очки.

Он не мог ничего видеть. Было темно – хоть глаз выколи!

– Эй, Гуня, где ты! – крикнул Моканин.

Что-то было не так. Он поднял голову. Все небо погасло. И что теперь? Он ошупью вылез из ямы и осмотрелся. Ничего! Мир исчез.

– Моканин... – отозвался Гуня откуда-то издалека.

– Гуня, дурак, что же мы наделали! – раздался одинокий рев.

Коза пронзительно заблеяла.

– Нонка-а-а! – прокричал крестьянин.

– Гуня! – орал Моканин.

Воздух начал остывать. Голоса постепенно затихали, становились все более далекими и глухими, пока не затерялись в непроглядной тьме.

ЗДРАВКА ЕВТИМОВА

НАСЛЕДНИЦА

– Я очень разочарована, действительно очень, очень разочарована, – заявляет моя мама. В последнее время она похудела, как эти аристократки из мыльных опер, и так же, как они, наносит темные круги отчаяния под глаза. Она очень красива, признаю. Доктор Хранов, мужчина, с которым она живет, стоит возле нее и услужливо подносит ей стакан воды, задерживая ее руку в своей. Он отчаянно влюблен, и ему важно, чтобы все это замечали.

– У твоей мамы две причины для разочарования, – подхватывает доктор, но сверкающий взгляд ее зеленых глаз устремляется на его горло, и он сразу же умолкает. – Собственно, я хотел лишь сказать, что она сама тебе скажет.

– Разумеется, я побеседую с ней, дорогой, – в последнее время мама усвоила модную привычку называть его «дорогой» на английский манер. Она пьет чай с молоком на английский манер, заказывает одежду из Великобритании, выискивает массажистку с английским и экономку, которая гладит ее белье по-английски. Единственная болгарская вещь, которой она пользуется, – этот надутый доктор, безумно исхудававший от любви к ней. – Во-первых, я разочарована твоим жестоким отношением к Галентину. Бедненький, он мне рассказал, как ты его запугала, насильно вырвав обещание жениться на тебе. Естественно, этого не произойдет. Забудь, что ты его знала. Бедненький, бедненький Галентин, – еще одно излюбленное словечко мамы – «бедненький» и «бедненькая». Вообще, когда она не знает, о чем говорить, тут же выстреливает словом «бедненький». – Он, конечно же, не женится на тебе, и будь уверена, что никто в городе этого не сделает, если...

– Конечно же, сделает, – успокаиваю я ее. И ты, как современная женщина, знаешь, почему любой мужчина с радостью предпочтет меня в качестве спутницы жизни. Хотя я и вчетверо толще тебя.

Наступает неловкое молчание, плотное, как сталь. Моя мать – умная и деловая, она привыкла говорить по существу. Но сейчас она не видит перед собой никакого примечательного существа, поэтому молчит и просто смотрится красиво.

– Деньги еще не все в жизни, – заявляет доктор Х.

– Да, только лучшая ее часть, – я соглашаюсь примирительно.

Помещение, в котором находимся мы втроем, – пышная венская гостиная в новом доме, который купил мой отец до того, как его убили. Здесь он превзошел себя, угождая маминым капризам. Как сегодня мама очарована всем английским, так тогда была без ума от всего венского – ее машина была куплена на Менцельштрассе, ткани для гостиной – в самом дорогом магазине Вены, даже соломинки для свежевыжатого сока обязательно покупались там. Паркет был молочно-бежевый, блестящий, как зеркало, занавески – кремовые, мебель – еще более кремовая. А лицо мамы среди этой сахарной одиссеи напоминало крем-карамель. В последнее время она пила только красное вино; доктор Хранов был таким трезвенником, что даже его тень пахла дезинфицирующим раствором; я даже подозревала, что он воздерживается и от секса, судя по язвительному выражению маминого лица. Было очень тихо, и обстановка в венской гостиной мне нравилась.

– Со стороны твоего отца было несправедливо перевести все имущество на тебя, – заявила мама. В этот момент она была похожа на ребенка, из рук которого выхватили наполовину съеденное мороженое. – Он так сильно меня любил, а оставил такую смешную сумму в завещании.

Я промолчала. Я продолжала пить апельсиновый сок в ожидании развития ее мысли.

– Даже дом, в котором мы находимся, твой, и ты можешь выставить меня, когда пожелаешь, – это прозвучало так печально, что, если бы я ее не знала, я бы переживала за нее три года.

– Да, могу, – вздохнула я. – Но для начала я выставлю только доктора Хранова.

Доктор начал яростно грызть соломинку и, вероятно желая спрятать лицо в апельсиновом соке, закашлялся. Его худое, продолговатое тело, хоть и завернутое со всех сторон в костюм от Версаче, прилепилось, как водоросль, к маминым плечам.

– Ты не можешь так поступать! – возразила она. Ее голос прорезал тишину серией автоматных очередей гнева. Доктор держался за нее и в ужасе смотрел на меня. – Ты выгоняешь Митю из дома.

– Да, конечно. Выгоняю Митю из дома, – произнесла я абсолютно спокойно. – Доктор Х., – обратилась я вежливо. – Пожалуйста, я могу сказать вам это и на английском, но, думаю, вы меня не поймете. – Вон из моей венской гостиной.

– Но ты толстая. Скоро у тебя начнется аритмия, твое сердце станет стучать, как старый ящик, у тебя случится гипертонический криз, и он тебе понадобится, – голос мамы уже не выстреливал автоматными очередями; он буквально распадался на составные слоги и звуки от ярости.

– А ты не думаешь, что на папины деньги я могу заказать себе доктора из Лондона или Парижа, который будет лучше заботиться о моем здоровье? – предположила я.

Мама не выдержала и сделала попытку расплакаться. Я должна признать, что она была очень эффективна. Когда я была маленькой и видела, как она плачет, а отец стоит грустный, омертвевший от печали о ней, безвольный, мне казалось, что весь мир погибнет. Я бы сделала все, чтобы ее утешить. После такого влажного спектакля на ее пальцах вспыхивал новый перстень, а на запястье – браслет: оказалось, что единственно бриллианты были в состоянии осушить поток слез из ее глаз.

– Сейчас, когда у меня нет денег, – всхлипнула мама, – можешь делать со мной все, что тебе заблагорассудится.

– Не с тобой, – объяснила я ей спокойно, потому что даже без бриллиантового перстня ее слезы заметно иссякли. Очевидно, она осознала, что мне будет сложно купить ей бриллиант прямо сейчас. – Мое к тебе уважение и восхищение тобой сохраняются в прежних размерах, уверяю тебя. Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Хотя моя мать и была необыкновенно красива, но, начав мучительно проглатывать новость, больше не представляла привлекательного зрелища.

– Я? Рассчитывать на твою помощь? – воскликнула она и схватилась за сердце. – Чтобы я рассчитывала на тебя!

Даже под изящным слоем румян было заметно, что лицо ее побледнело и приближается к зеленоватому оттенку, резко контрастируя с кремовыми оттенками Венской гостиной.

– Ты убиваешь свою мать! – гневно заявил доктор. Потом он, скорее всего, подумал, что недостойно кричать перед какой-то там толстухой, натянул блестящий пиджак от Версаче на своих костях, и, в общем-то, дорогой костюм повис на нем, как на флагштоке. – В общем, я не забуду, что ты наймешь врача из Лондона или Парижа, чтобы он заботился о твоём здоровье. Будь уверена.

Я знала, что доктор Хранов раз в сто превосходит меня в красноречии, поэтому просто повернулась к нему спиной, после этого протянула свою толстую руку к письменному столу и нажала потайную, почти незаметную кнопку кремового цвета.

– А ты, оказывается, наглая, – констатировал доктор. – Я не знал этого. Как-то это несвойственно толстым женщинам...

Думаю, что со спины я выгляжу еще более массивной, но, несмотря на это, я позволила доктору объяснять моему затылку, что свойственно толстым женщинам и что нет. Через считанные секунды в венскую гостиную вошли два моих телохранителя – это обычно происходит, когда я нажимаю

потайную кремовую кнопку. Не было необходимости говорить им что бы то ни было. Я только указала кончиком подбородка на доктора. Два молодца схватили доктора Хранова под мышки, одновременно наклонили головы в сторону мамы в знак уважения к ее выдающейся особе. Она безмолвно следила за происходящим, теряя зеленоватый цвет лица под изящным словом румян.

– Извините нас, мадам, – сказали они в один голос, как будто были двумя глотками двуглавого змея. – Борис, Андрей, немедленно отпустите меня! – приказал им доктор Хранов, но мой толстый подбородок снова опустился к полу – ребята очень хорошо знали, что это означает, сразу же подняли медицинскую водоросль вместе с дорогим костюмом от Версаче и так, волоча ее в воздухе, оторванную от непоколебимого утеса маминой любви, понесли к выходу. Было очень приятно наблюдать, как неестественно длинные ступни доктора бьются в пустом пространстве.

– Борис! Эндрю! – приказала мама. – Немедленно поставьте доктора Хранова на пол и извинитесь перед ним.

Оба молодца застыли на месте, но не опустили оторванную водоросль; она вместе с аристократически серым Версаче осталась качаться между полом и потолком, крепко зажатый под мышки. Небольшое пояснение: Борис и Андрей были телохранителями, которых папа когда-то нанял для мамы – собственно, она сама их выбрала, – в то время, когда мама еще не увлекалась английской культурой, ее требования к охране были незыблемы: ее личные телохранители должны были быть не ниже 185 см, не старше 28 лет и обязательно отличаться знаком зодиака Телец. Мама обожала знак Тельца, потому что, согласно ее гороскопу, с представителями этого знака она могла устанавливать сильную внутреннюю связь. Похоже, однако, что внутренняя связь, которую она установила с ними, сильно проржавела.

– Борис! Эндрю! – крикнула она повелительно, но мой толстый подбородок опустился еще на полсантиметра. Телохранители заметили это – я должна добавить, что до того как их нанять, у моего отца был выбор из 37 человек, претендующих на одно место телохранителя. Эти двое могли стать космонавтами, что касается состояния их здоровья. Отец оплатил все виды исследований в Медицинской академии в Софии, узнал, нет ли психических отклонений у дедушек и бабушек обоих кандидатов, и не проявляют ли эти двое извращенные сексуальные желания. Мама должна была обладать самым лучшим и действительно обладала...

Борис и Эндрю были достаточно умны, чтобы смекнуть, что теперь я плачу им зарплату. Им стало болезненно известно, что я наследую значительное состояние отца, когда я два месяца подряд оставила их без зарплаты из-за неподчинения моим приказам. Кроме того, им стало ясно, что или они появляются через полторы секунды после нажатия кремовой кнопки, или я с ними распрощаюсь.

Поэтому не было необходимости говорить им что к чему. Мамин вопль застыл в пустыне их профессиональной чувствительности. Один, который, по моему мнению, был более сообразительным, спросил:

– Вынести его на улицу, госпожа? – мне не было нужды говорить, я указала толстым концом подбородка на дверь и комплект водорослей – душа и конечности доктора Хранова – был вынесен из кремовой атмосферы гостиной в холодную атмосферу мартовского полудня. Все еще шел неприятный снег, уж поверьте.

Мы с мамой остались вдвоем.

– Ты мне противна, – прошептала она, впивая в меня зеленые дула глаз. – Почему ты не прикажешь им выкинуть и твою собственную мать? Впрочем, тебе не нужно этого делать, я уйду сама.

– Мама, – обратилась я к ней тихо. – Я буду хорошо к тебе относиться. Тебе всегда рады в этом доме, как и в остальных, которые отец считал нужным оставить мне после своей смерти. Но прошу тебя, никогда не приводи доктора Хранова. Если я еще раз увижу его в месте, которым владею, я распоряжусь стрелять в него, как в грабителя.

Мама обеими руками сжала столик черного дерева. Было видно, что она дрожит и ее губы искривлены.

– Но почему? – едва вымолвила она, вновь обретая свое пресловутое самообладание, которое, по-моему, стоило гораздо больше, чем деньги, потраченные на косметологов, модных дизайнеров и психологов во имя ее благоденствия... Мой отец обожал, когда о его жене говорили, что она остается хладнокровной в любой ситуации.

– Потому что ты бросила моего отца ради доктора Хранова, – ответила я, и именно это и было правдой.

– Я оспорю завещание, – прошептала мама. «Бедненькая!» – так бы воскликнула мама, описывая сама себя. Неужели она не знала, что благодаря деньгам отца я держала самых лучших адвокатов, целый суд, целый город? – Боже мой, – продолжала она. – Когда-то я тебя жалела, потому что ты такая толстая, потому что ты похожа на кучу навоза, а не на молодую девушку. И зачем тебе все эти деньги? Зачем? Ты не купишь на них любовь и уважение людей.

– Куплю, – оборвала я ее спокойно. – Я могу заказать себе мужчину по телефону – могу сделать это сейчас, в твоём присутствии – какого захочу. Высокого и стройного, светловолосого. Высокого и стройного – брюнета. Если мне вздумается, могу заказать низенького, лысого и толстого, как я.

– Но это... – начала она, но вовремя остановилась, потому что была умной женщиной – она знала, что нужно считаться с деньгами в банке. С всемогущими банкнотами, которые стоили больше, чем любовь, доброта и все человеколюбие в этом мире. Ей это было, конечно же, известно. – Но ты... чудовище.

– Я могу заказать и девушку, если мне вздумается, – заявила я ей. – Высокую и русоволосую, или низкую, коренастую и толстую, как я. Могу зака-

зять даже двух девушек на завтрак, после обеда в пять до кофе или в семь вечера после очередного выпуска новостей.

Она молчала. Она уже не смотрела на меня. Ее руки перестали дрожать просто потому, что она уже окаменела.

– Но я не сделаю этого, мама. Я не буду заказывать себе девушку – ни русую и стройную, ни толстую и коренастую. Я не буду заказывать и русоволосого супермена. Просто через полчаса я встречаюсь с людьми, которые заправляют бизнесом моего отца. Я хочу, чтобы ты знала – при взгляде на меня ты должна представлять моего отца у руля его проржавевшей и грязной империи. Флотилии грузовиков, четырех ресторанов, захудалых забегаловок, городского рынка, который он купил за бесценок, косметического центра. Агентства недвижимости. На этом месте ты должна видеть меня. Но я не буду изъясняться ругательствами, как он. Он был достаточно дальновидным, чтобы нанять для меня частных учителей английского и математики, правил хорошего тона. Если ты хочешь сохранить благополучие, просто назови мне сумму, которая тебе нужна. Я освобожу тебе этот дом – с венской гостиной. Оставлю тебе две машины. Но у меня одно условие – ты должна избавиться от доктора Хранова. Чтобы ты больше не виделась с ним. Понимаешь?

– Нет, – ответила она.

Солнце просочилось под кремовые обои гостиной и перекрасило их в золотистый цвет. У меня было ощущение, что вся комната окована золотом, ради которого погибло много мужчин, пытавшихся завоевать его в кровавых сражениях.

– Он и так тебя бросит, и тогда тебе будет еще больнее. Кто ты без денег моего отца? Стареющая, хоть и красивая женщина. Когда ты не сможешь покупать себе крем от морщин и не сможешь платить косметичке и массажистке, когда вместо верховой езды будешь убирать какой-нибудь офис, – потому что я уверена, что другой работы ты найти не сможешь, – уверяю тебя, твоя красота улетучится за три недели. Неужели ты сможешь быть драгоценностью, которую д-р Х. показывает гостям, после того как за тобой не будет каменной стены из папиных денег?

– Но он меня любит, – тихо возразила мама.

– Есть много женщин моложе и красивее тебя, неужели ты не видишь этого? Д-р Х. тоже не слепой, уверяю тебя.

Она долго молчала, солнце ползло по ее щекам, превращая их в сверкающие бездны, в которых нашли смерть много отчаянных храбрецов.

– Твоего отца застрелили, – прошептала она тихо. – И тебя тоже застрелят однажды, и, мне кажется, я не буду об этом жалеть.

Моя рука, окруженная целым морем жировых волн, потянулась к кремовой кнопке.

– Вызываешь Эндрю и Бориса, чтобы они и меня выставили? – произнесла она презрительно.

– О нет, просто распорядилась, чтобы они пустили следующего посетителя. Я бы хотела, чтобы ты увидела, кто это.

Подчиняясь всесильной кремовой кнопке, дверь отворилась совсем бесшумно – у меня было чувство, что мой отец радовался этим чудесам техники и смотрел на них с открытым ртом; при жизни он так и не понял, как включается компьютер. В великолепную гостиную, для которой даже соломинки для натурального сока были закуплены в Вене, вошел ослепительно красивый мужчина. Его ботинки блестели, как бриллиант в 24 карата, костюм был безупречен, подчеркивая широкие атлетические плечи и аристократические волны его волос. В руках мужчина держал такой пышный букет, что даже сияние венской гостиной поблекло от зависти.

– Галентин! – воскликнула мама. – Галентин, дорогой, но ты же...

Мой галантный гость сдержанно ей кивнул и подошел ко мне.

– Дорогая, я пришел извиниться за свое глупое поведение... Я действительно поступил с тобой грубо и жестоко, – он протянул мне букет, который я без особого волнения оставила на диване возле столика. После этого мой гость поспешно схватил мою ладонь и поцеловал ее с такой горячностью, как будто хотел добраться губами до костей.

– Госпожа Карамонева, – обратился он с великолепным холодным поклоном к моей маме. – Я очень Вас прошу, не могли бы Вы оставить нас наедине?

– О... я, – начала она, но Галентин уже повернулся к ней своей красивой спиной.

Мама направилась одна к выходу, где стояли ее бывшие телохранители Борис и Эндрю. Думаю, они ей поклонились, потому что она всегда была щедра к обслуживающему персоналу.

ПЕРЕВОДЫ АНТОНИНЫ ТВЕРИЦКОЙ

АЛЕК ПОПОВ

ALONG THE CABLE

Петер Моканин, ладный русский цыган с подкрученными усами, сидел во дворе и жег кабель. Синтетический жар от пластмассы сливался с послеобеденным зноем. Цыган был раздет до пояса; на его руках, точно игривые бесенята, танцевали синие татуировки. Густой едкий дым поднимался к небу и заслонял солнце. С-с-с... – шипела горящая пластмасса, стекая тяжелыми каплями на землю. Неподалеку крутился и ворчал на огненные капли большой лохматый пес. По груди Моканина бежали струйки пота. Время от времени ветер направлял дым ему в лицо, и тогда его глаза наполнялись горячими слезами. Огонь жадно пожирал толстый кабель. Обглодав один кусок, пламя принималось за следующий, уже подложенный Моканином, и так пока не оставалась только черная закопченная жила. Таким нехитрым способом молодой цыган уже обработал несколько метров кабеля. Это была

самая досадная часть процесса, но ее никак нельзя было пропустить. На заводе принимали только чистый металл. Такие правила.

Из приемника, закрепленного на кирпичной стене, доносился тягучий ритм восточного танца. Моканин закрыл глаза и представил себе обнаженную талию танцовщицы – белый, с мягкими очертаниями живот маняще покачивался между бахромой короткой рубашки и низко спущенными шароварами. В пупке переливался яркий алмаз. Камень подскакивал в такт с подтянутыми мышцами и бросал отблески, словно электрические искры. Моканин замер, завороченный прекрасной картиной. Кабель прогорел почти до его рук. Собака бдительно гавкнула. Цыган потряс головой, разматал еще жилу и глубоко вздохнул. Жизнь Моканина не была легкой, но, если бы сейчас, скажем, ему предложили вернуться в город и найти работу, он бы презрительно рассмеялся. Неужели на свете есть что-то лучше, чем свобода? Быть самому себе хозяином, бродить по бескрайней степи в жару и в холод и знать, что нет никого над тобой, кроме лишь одного Аллаха! Впрочем, Моканин редко об этом задумывался, скорее воспринимал свою свободу как должное. Приходили разные люди, прокладывали кабели – под землей, над землей, – опутывали весь мир своими сетями, а потом приходил он, срезал кабели, оголял медную сердцевину и продавал ее на вторсырье. Песня, а не работа.

Внезапно собака вскочила и яростно залаяла. Моканин поднял голову. Через дорогу только что остановился старый ободранный «москвич». Машина была с прицепом, в котором лежала жалкого вида коза с облезлой желтоватой шерстью. У калитки суетился глуповатый на вид сутулый верзила в полинявшей шапке лесничего. Ему явно было что-то нужно, но он боялся войти.

– А ну сидеть! – прикрикнул на пса Моканин и жестом подозвал незнакомца к себе.

Верзила прошел мимо кусков кабеля, разбросанных по двору, пробормотал «День добрый», оглянулся на дорогу, опять буркнул «День добрый» и умолк. Много людей приходило к Моканину все эти годы, беды и страдания приводили их, так что цыган сразу понял, что и у этого деревенского на душе какая-то кручина. «Когда же это кончится!» – подумал он.

– Друг, что привело тебя сюда?

— Да вот, моя мне сказала... да что уж там! – махнул рукой здоровяк и неожиданно спросил: – Ты, что ли, Петер Моканин?

– Ну, я, – ответил цыган и насторожился. – А ты кто?

– Гуню, – вздохнул гость.

Моканин перевернул стоявший во дворе ящик и пригласил великана сесть.

– Где-то я тебя видел, Гуню... Откуда ты?

– из Георги Димитрово... Теперь Малката Августа зовемся.

– Вот оно что! Ну и как у вас там? – оживился Моканин. – Кабели-то есть?

А то здесь уже и не осталось...

Великан вздрогнул и посмотрел на него испытывающе.

– Есть, – сказал он осторожно, – куда им деваться.

– Здесь уже и не осталось... – повторил Моканин и засмотрелся на столбы вдоль дороги. Над столбами кружили стаи ласточек. Приближался конец лета, и птицы собирались, чтобы улететь на юг. Моканину вспомнилось, что раньше ласточки садились на провода тысячами и повисали рядами над дорогой, словно наточенные бритвы. Ему это не нравилось. Ему казалось, что они предвещают беду. Этой весной Моканин отсоединил провода, чтобы их продать, и сейчас птицы тщетно искали, где им сесть; метались туда-сюда и пронзительно кричали. «Что за напасть!» – подумал он.

– Меня к тебе Сали прислал, – сказал Гуню после неловкого молчания.

– Что за Сали? – притворился удивленным Моканин.

– Тот Сали... из шиномонтажа. Ты что, его не знаешь? – забеспокоился деревенский.

– Так бы сразу и сказал! – хлопнул его по плечу Моканин. – Сали из шиномонтажа! Мы с ним столько лет друг друга знаем, эх! Как там он сейчас? Что подделывает?

– Промышляет потихоньку, теперь с этими, с джипами... — оживился Гуню.

– Вот оно что! Не знает устали парень, – покачал головой Моканин. – Золотые у него руки, чтоб ты знал.

– Да, золотые... – кивнул Гуню без особого энтузиазма. Явно на уме у него было что-то другое.

– Да и сердце у него золотое, – увлеченно продолжал цыган. – Всегда о других думает, только и глядит, как бы что хорошее сделать. Придет к нему кто: так и так, Сали, вот какая беда у меня. А он сразу: беги к Моканину, он знает, он тебе поможет... Вот он какой, Сали Яшар! И я в долгу не остаюсь, отправляю к нему людей время от времени... Так-то, глядишь, и в Джаннат вместе попадем!

– А? – вытаращился деревенский.

– Это все, Гуню, не твоего ума дело, – сказал ему Петер Моканин. – Скажи лучше, зачем пришел.

– Тут такая штука... может, оно не очень-то законно, – начал Гуню, опустив глаза, – да откуда мне знать... Луг-то мой, а кабель только портит все...

– Что за кабель? – наострил уши Моканин.

– Такой вот! – сказал Гуню и растопырил свои огромные ладони.

– Да ты что! Прямо такой? Где?

– Возле луга. Точно под низом проходит.

– Серьезно?

– Ага. Страшное дело! – вздохнул Гуню. Да и не хотел я этот луг. Выпал он мне по жребию в прошлом году, когда мы землю делили... Что ж мне не везет-то так!

– Ты про кабель расскажи! – напомнил ему Моканин.

– Ох, конца-краю нет нашим бедам! – заохал великан. – Месяц назад иду я пасти козу. Жарко было, как раз после обеда. Мой луг находится выше деревни, почти у леса. Сажусь я отдохнуть в теньке. Коза ходит вокруг, там по-

щиплет, тут пощиплет, вдруг смотрю – легла в одном месте, посреди луга. Зову ее, чтобы подошла в тени. Она – ни в какую. Ну, говорю, оставайся тогда, жарься, раз такая упрямая. Потом я уснул. Час, два проспал, не знаю. Просыпаюсь, смотрю – коза все еще там. Не шевельнулась!

– Да ты что! – вырвалось у Моканина.

– Да! – сказал Гуню. – Через два дня опять идем на лужок, и коза – шлеп на то же место. Лежит, не двигается. Неспроста это, думаю. Слыхал я, ежели коза место какое отметит, там наверняка клад спрятан.

– И я такое слышал, – подтвердил Моканин.

– Да, но... куда там! – с болью воскликнул деревенский. – Как же, случится с нами такое!

– Кабель, да?

– Кабель, зараза! – процедил Гуню. – И тогда же коза стала хворать. И молоко у нее стало, знаешь, такое... синее.

– Прямо синее! – недоверчиво посмотрел на него Моканин.

– Не веришь, да? – сказал великан. – Поди-ка!

И почти силой повел его к «москвичу».

Коза лежала на охапке соломы и смотрела на двоих мужчин кроткими печальными глазами, словно хотела сказать: «Не мучайте меня, люди!» По ее спине ползало несколько мух.

– Нонка, слышь! Встань, дай человеку на тебя посмотреть! – сказал Гуню, прогоняя мух широким движением руки.

Коза душераздирающе заблеяла. Великан аккуратно приподнял ее и поставил на ноги. Снизу белело надутое вымя. Гуню потянул за покрытый шерстью продолговатый сосок. Хлынула яркая синяя струя.

– Ох! – вырвалось у Моканина. – А на вкус? Как оно на вкус?

– Еще хуже, – поморщился Гуню. – Однажды я попил, так, попробовать. Горькое было, а потом как ударит мне в голову... Целый день ходил как пьяный, и такие вещи мне мерещились, что и рассказывать нехорошо.

– Беда! – захохотал Моканин. – А к ветеринару ее водил?

– Ветинары! Сколько этих ветинаров мы обошли... – презрительно засопел Гуню. – Хорошо, что ходил я к Черной Марии. Все ей рассказал, а она сразу говорит: Гуню, чтоб ты знал, эта напасть только от кабеля. Из-за кабеля больна скотинка! Убери этот проклятый кабель, а то все твоё хозяйство сгниет, и сам ты помрешь!

Так она сказала. С тех пор я спать не могу. Боюсь к лугу подойти. Другие люди скосили, собрали сено, только мой лужок все стоит. Трава легла, тяжелая такая, блестящая, сочная, пахнет металлом... Мне говорят – Гуню, что ж ты не косишь-то? А я ведь не могу сказать...

– И тогда, – продолжал Гуню, – пошел я в шиномонтаж. Думаю, Сали в машинах соображает, может, и с проводками что подскажет. Нет, говорит, я в проводах не разбираюсь. По крылу постучать, вмятину убрать, если с мотором что не так – пожалуйста. Но кабели – это не ко мне. Иди к Мокани-

ну, говорит, он по части проводов. Нет, говорит, большего мастера, чем он... Правду он сказал? Ты же мастер по проводам?

Но Моканин его не слушал. Вдалеке, возле разбитых цыганских барачков показалась Албена. Ее вели двое полицейских. Грудь ее свободно болталась под тонкой рубашкой. Она шла не спеша, раскованно, как зрелая женщина, хотя ей не было и пятнадцати. В длинном разрезе юбки мелькали стройные округлые бедра. Она была в шлепанцах.

– Что она опять натворила? – спросил Моканин, когда они проходили мимо.

– Сама знает! – проворчали полицейские.

Албена остановила на нем тяжелый, влажный взгляд. У ее шеи вились блестящие черные пряди.

– Чавэ, пойдем со мной, чавэ... – низким голосом пропела она, маслено, обещающе улыбаясь.

— Иди уже, бесстыжая! — подтолкнули ее полицейские.

Но она не шелохнулась. Сквозь марево ее лицо казалось нечетким, она продолжала улыбаться... Полицейские взяли ее под руки и повели к служебной «ладе», стоявшей в конце улицы. Рубашка Албены приподнялась, под ней сверкнул ровный матовый живот. Из ямки пупка подмигнула сережка. Сердце Моканина подскочило.

– Это кто, а? – толкнул его Гуню.

– Мы ее Подстилкой называем, – ответил Моканин, завороченный игривыми отблесками сережки. – Не к добру это... – шепнул он себе.

– Что ты сказал? – испугался крестьянин.

– Я говорю, может, бросим это дело, а?... – сказал цыган, почесав за ухом.

Полицейские затолкали Албену в машину и поехали. За миг до того, как их поглотила пыль, она показалась в заднем стекле «лады» и скорчила рожу.

– Ты что, брат! – стал давить на жалость Гуню. – Ты наша последняя надежда. Мы бедняки, нам без луга никак!

– Ну не знаю... – вздохнул Моканин. – Эта Албена нам накликает беду.

– И ты туда же! – поддел его Гуню. – Вроде и в электричестве разбираешься, а боишься какой-то девки...

Моканин задумался.

– Толстый кабель, говоришь... – сказал он после раздумья.

– Вот такой! – воскликнул Гуню и снова растопырил ладони.

Моканин поплевал, прищурился, прикинул что-то в уме и сказал:

– Подожди, я инструменты возьму.

Из леса веяло прохладой. Пахло грибами и мокрой листвой. Небо, увешанное тяжелыми гроздьями звезд, почти касалось труб домов. Лампы на деревенской площади светились. Из трактира доносилась музыка. Кое-где подрагивали голубые экраны старых телевизоров. Двое мужчин вышли на холм возле деревни и остановились передохнуть.

– Эх, какая ночь! – сказал Моканин, бросив сумку с инструментами на землю.

– Нас не увидят? – прошептал Гуню.
– Луг твой?
– Мой-то мой, а вот кабель... Откуда мне знать?
– И кабель твой! – отрезал Моканин.
– Нонка, слышь, мы пришли! – сказал Гуню и пошел по высокой мокрой траве, кишевшей звуками.

Коза поплелась за ним, как пьяная. Ее вымя глупо болталось туда-сюда. Цыган пошел следом. Некоторое время все шагали молча. Потом остановились. Моканин посветил фонариком. Они находились у большой ямы. На дне ямы поблескивал толстый черный кабель.

– Вот он, зараза! – сплюнул Гуню.

Моканин молча сунул фонарик ему в руки и прыгнул в яму.

– Похоже, он очень старый, – заключил он, осмотрев кабель во всех створон. – Ножницами не получится... Придется рубить.

Затем он вылез наверх и развязал сумку. Натянул толстые резиновые перчатки, надел темные очки, схватил топор и снова спустился в яму.

– Берегись! – крикнул он и замахнулся.

Раз! Раз! Готово. Искр не было. «Стоило стараться», – немного разочарованно подумал Моканин и снял очки.

Он не увидел ничего. Тьма – хоть глаз выколи!

– Гуню, ты где, Гуню! – заорал Моканин.

Что-то было не так. Он поднял голову. Небо погасло. Что за шутки? Он на ощупь выкарабкался из ямы и огляделся. Ничего! Мир исчез.

– Моканин... – отозвался Гуню откуда-то издалека.

– Гуню, дурак, что мы наделали! – отозвался эхом одинокий рев.

Коза пронзительно заверещала.

– Нонка-а-а! – позвал крестьянин.

– Гуню! – надрывался Моканин.

Воздух начал остывать. Голоса становились все слабее, все дальше и глуше, пока не исчезли в непроглядном мраке.

ЗДРАВКА ЕВТИМОВА

НАСЛЕДНИЦА

– Я очень разочарована, ты не представляешь, как сильно я разочарована, – заявляет моя мать. В последнее время она похудела, в точности как аристократки из мыльных опер, и, в точности как они, замаскировала темные круги отчаяния под глазами. Признаю, она очень красива. Доктор Хранов, мужчина, с которым она живет, подходит к ней и услужливо подает ей стакан воды, задерживая ее руку в своей. Он влюблен, и ему важно, чтобы это заметили все вокруг.

– Разочарование твоей матери имеет две причины, – начинает он, но один быстрый взгляд маминых зеленых глаз – и он тут же замолкает. – Однако пусть лучше она поговорит с тобой сама.

– Конечно, я поговорю с ней, дорогой, – в последнее время мама взяла модную привычку называть его «дорогой» на английский манер. Она пьет чай, как англичанка, заказывает себе одежду из Великобритании, ищет массажистку со знанием английского языка и экономку, которая гладит ее белье по-английски. Все, что есть болгарского в ее окружении, – этот напыщенный доктор, совсем исхудавший от любви к ней. – Во-первых, я разочарована твоим грубым обращением с Галентином. Бедняжка описал мне, как ты угрожала ему, требуя, чтобы он сделал тебе предложение. Разумеется, этого не произойдет. Тебе следует забыть, что ты с ним вообще знакома. Бедняжка, бедняжка Галентин, – другое любимое мамино словечко – это «бедняжка». Обычно, когда она не знает, что сказать, то на всякий случай выстреливает предупредительным залпом «бедняжек». – Разумеется, он на тебе не женится, и будь уверена, что никто в городе этого не сделает, если...

– Конечно, сделает, – успокаиваю я маму. – Ты же современная женщина, ты прекрасно знаешь, почему все мечтают взять меня в спутницы жизни. Хоть я и в четыре раза толще тебя.

Наступает неловкая тишина, плотная, как сталь. Моя мать – умная и практичная женщина, она привыкла говорить по существу. Но сейчас перед ней нет никакого стоящего существа, поэтому она молчит и просто прекрасно выглядит.

– Деньги – это еще не весь мир, – заявляет доктор Х.

– Да, это только лучшая его часть, – миролюбиво соглашаюсь я.

Помещение, в котором мы находимся, – роскошный холл в венском стиле. Этот дом купил мой отец незадолго до своей смерти. Угождая маминым прихотям, здесь отец превзошел сам себя. Как сейчас мама была очарована всем английским, так тогда сходила с ума по всему из Вены: ее машина была куплена на Менцельштрассе, обивка для мебели – в самом дорогом венском магазине, даже трубочки для натурального сока непременно были из Вены. Паркет был молочно-бежевым, гладким, как зеркало, гардины – кремовыми, мебель – еще более кремовой. Мамино лицо в этой сахарной одиссее было похоже на крем-брюле. В последнее время мама пила только красное вино: доктор Хранов был таким ярким трезвенником, что даже его тень пахла дезинфекционным раствором; я подозревала, что он воздерживается не только от алкоголя, если судить по маминой ядовитой усмешке. Было очень тихо, и обстановка в венском холле прекрасно вписывалась в ситуацию.

– Твой отец поступил несправедливо, передав все свое имущество тебе, – заявила мама. В этот момент она была похожа на ребенка, из рук которого вырвали недоеденное мороженое. – Он так любил меня, и все, что мне досталось, – смешная сумма в завещании.

Я воздержалась от комментария. Потягивая апельсиновый сок, я ожидала продолжения ее мысли.

– Даже дом, в котором мы находимся, твой, и ты можешь меня выгнать, когда пожелаешь, – это прозвучало так печально, что, если бы я не знала ее так хорошо, немедленно отправилась бы посыпать голову пеплом.

– Да, могу, – вздохнула я. – Но для начала я вышвырну только доктора Хранова.

Доктор яростно укусил соломинку, поперхнулся, вероятно пытаясь спрятать лицо в апельсиновом соке, и закашлялся. Его худое, вытянутое тело, хоть и завернутое со всех сторон в костюм от Версаче, прилипло, как водоросль, к плечам мамы.

– Ты не можешь так поступить! – возразила она. Ее голос пробил тишину автоматными очередями гнева. Доктор держался за нее и смотрел на меня с ужасом. – Ты прогоняешь Митю, нашего гостя, из дома.

– Именно так. Я прогоняю Митю, нашего гостя, из дома, – сказала я спокойно. – Доктор Х., – учтиво обратилась я к нему. – Если желаете, я могу сказать вам это по-английски, но подозреваю, что вы не поймете. Вон из моего венского холла.

– Посмотри на себя, ты же толстуха. Скоро у тебя начнутся проблемы со здоровьем, твое сердце разболтается, как старый ящик, ты заработаешь гипертонический криз, к кому ты побежишь тогда? – голос мамы уже не стрелял автоматными очередями, от ярости он буквально распадался на составные слоги и звуки.

– А тебе не приходило в голову, что на деньги отца я могу пригласить к себе врача из Лондона или Парижа, который будет лучше заботиться о моем здоровье? – предположила я.

Мама не выдержала и попыталась расплакаться. Должна признать, она была очень эффектна. Когда я была маленькой и видела, как она плачет, а отец стоит рядом печальный, помертвевший от горя, обмякший, мне казалось, что весь мир гибнет. Я бы сделала что угодно, чтобы ее утешить. После каждого такого концерта на ее пальце появлялось новое кольцо, а на запястье – браслет. Выяснилось, что только бриллианты были в состоянии осушить океан в ее глазах.

– Сейчас, когда я нищая, – всхлипнула мать, – ты можешь делать со мной все, что тебе придет в голову.

– Не с тобой, – спокойно объяснила ей я, заметив, что даже без бриллианта ее слезы заметно подсохли. Очевидно, она поняла, что вряд ли я куплю ей его именно сейчас. – Мое уважение и восхищение к тебе ничуть не меньше, чем раньше, уверяю тебя. Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Моя мать была чрезвычайно красива, но когда она начала судорожно хватать ртом воздух, это не шло даже ей.

– Я – рассчитывать на твою помощь? – воскликнула она и схватилась за сердце. – Я – рассчитывать на тебя!

Под тонким слоем румян было видно, что ее лицо побледнело и даже слегка позеленело, сильно контрастируя с кремовым холлом.

– Ты довела ее до приступа! – гневно крикнул доктор. После, вероятно, подумал, что распалиться перед какой-то толстухой не отвечает его статусу, одернул блестящий пиджак от Версаче, и изысканная вещь повисла на его костях, как лохмотья. – Знаешь, я запомню, что ты наймешь врача из Лондо-

на или Парижа, чтобы он заботился о твоём здоровье. Запомню, не сомневайся.

Я знала, что доктор Хранов раз в сто превосходит меня в красноречии, поэтому просто повернулась к нему своей необъятной спиной, после чего протянула руку к столу и нажала едва заметную, почти невидимую кремовую кнопку.

– А ты, оказывается, нахалка, – констатировал доктор. – Я этого не знал. Обычно это несвойственно полным женщинам...

Полагаю, что со спины я выгляжу еще массивнее, но, несмотря на это, я позволила доктору говорить моему затылку, что свойственно толстым женщинам и что нет. Через считанные секунды в венский холл вошли двое моих телохранителей – для этого я и нажимала едва заметную кремовую кнопку. Не было необходимости им что-либо говорить, я просто кивнула в сторону доктора. Двое богатырей схватили доктора Хранова под руки, одновременно наклонили головы в сторону мамы в знак уважения к ее исключительной особе. Мама безмолвно следила за происходящим, теряя даже зеленоватый цвет лица под тонким слоем румян.

– Просим нас простить, мадам, – произнесли они одновременно, словно были двумя головами сказочного змея.

– Борис, Андрей, отпустите меня немедленно! – приказал им доктор Хранов, но мои два подбородка снова опустились вниз. Мальчики отлично знали, что это означает, сразу подхватили доктора-водоросль, оторвав его вместе с дорогим костюмом от Версаче от утеса маминой любви, и поволокли к выходу. Думаю, вам тоже было бы приятно наблюдать, как доктор сучит в воздухе своими длинными ступнями-ластами.

– Борис! Эндрю! – скомандовала мама. – Сейчас же поставьте доктора Хранова на пол и извинитесь перед ним.

Двое богатырей застыли на местах, но не отпустили доктора-водоросль; он вместе с благородным серым Версаче болтался между потолком и полом, крепко зажатый между телохранителями. Маленькое объяснение: Борис и Андрей были когда-то наняты моим отцом для мамы. По сути, она сама их выбирала; в то время, когда мама еще не сходила с ума по всему английскому, ее требования к охране были строги: личные телохранители должны были быть не старше 28 лет, ростом не ниже 185 см, кроме того, они обязательно должны были родиться под знаком Тельца. Мать обожала этот знак, потому что прочитала в гороскопе, будто бы с Тельцами она может установить сильную внутреннюю связь. Однако внутренняя связь, установленная с Борисом и Андреем, очевидно, немного износилась.

– Борис! Эндрю! – повелительно повторила мама, но мои подбородки опустились еще на полсантиметра. Телохранители это заметили, – добавлю, что прежде чем их нанять, мой отец выбирал из 37 человек на одно место. Что касается физической формы этих двоих, они могли бы стать космонавтами. Мой отец заплатил за все виды исследований в Медицинской академии в Софии, изучил, нет ли у их дедов и бабок психических отклоне-

ний, не проявляют ли они в поведении извращенных сексуальных желаний. Мама должна была иметь все самое лучшее, и она действительно это имела.

У Бориса и Эндрю хватило ума догадаться, кто теперь платит им зарплату. Они почувствовали на себе, что именно я наследую состояние отца, когда я оставила их без зарплаты на два месяца за неподчинение моим приказам. Также им стала известна еще одна вещь: или они появляются через полторы секунды после того, как я нажму кремовую кнопку, или мы прощаемся.

Вот почему слова были излишни. Мамин вопль повис в пустыне их профессионального бесстрастия. Один, который, как мне кажется, был остроумнее, спросил:

– Вынести его на улицу, госпожица?

По-прежнему не говоря ни слова, я указала своими подбородками на дверь, и комплект водорослей – душа и конечности доктора Хранова – был вынесен из кремового холла в холодный мартовский вечер. Поверьте, там все еще шел неприятный мокрый снег.

Я и моя мать остались вдвоем.

– Дрянь, – прошептала она, впивая в меня зеленые дула своих глаз. – Почему бы тебе не приказать им вышвырнуть и твою родную мать? А вообще, не трать силы, я уйду сама.

– Мама, – тихо сказала ей я. – Ты заслуживаешь хорошего обращения. Ты всегда дорогой гость в этом доме, так же как и во всех остальных, которые отец счел разумным оставить после смерти мне. Но прошу тебя, никогда не приводи доктора Хранова. Если я еще раз увижу его на территории, принадлежащей мне, я распорядюсь стрелять по нему как по грабителю.

Мама вцепилась обеими руками в столик из черного дерева. Было видно, что ее трясет, ее губы были искривлены.

– Почему же, позволь спросить? – с трудом произнесла она, возвращая свое пресловутое самообладание, которое, я считаю, стоило куда дороже, чем все ее косметологи, модные дизайнеры и психологи вместе взятые. Мой отец обожал, когда о его жене говорили, что она остается хладнокровной в любой ситуации.

– Потому что ты бросила отца ради доктора Хранова, – ответила я, и это было чистой правдой.

– Я буду оспаривать завещание, – прошептала мама. Бедняжка! – как бы воскликнула она сама, описывая себя. Неужели она не знала, что на деньги моего отца я держала самых лучших адвокатов, весь суд, весь город? – Боже мой, – продолжила она. – Одно время мне было тебя жаль из-за того, что ты такая толстуха, из-за того, что ты больше похожа на кучу навоза, чем на молодую девушку. И зачем тебе все эти деньги? Зачем? Они не купят тебе любовь и уважение людей.

– Купят, – невозмутимо перебила я. – Я могу заказать себе мужчину по телефону – я могу сделать это прямо сейчас, в твоем присутствии. Какого пожелаю. Высокого и стройного блондина. Высокого и стройного брюнета. Если захочу, могу заказать низкого, лысого и толстого, как я.

– Это же... – начала она, но вовремя остановилась. Она была умной женщиной и знала, что нужно помнить о деньгах в банке. О всемогущих банках, которые стоили больше, чем любовь, доброта и весь гуманизм в мире. Конечно, она отлично это знала. – Ты просто чудовище.

– Я могу заказать и девушку, если захочу, – заявила ей я. – Высокую блондинку или низкую, коренастую толстуху, как я. Я могу заказать даже двух девушек на завтрак, после обеда, в пять перед кофе или в семь вечера после выпуска новостей.

Она молчала. Она уже не смотрела на меня. Ее руки перестали дрожать, она уже словно оцепенела.

– Но я не буду этого делать, мама. Я не буду заказывать девушек – ни стройную блондинку, ни коренастую толстуху. Не буду заказывать и светловолосого супермена. Но через полчаса я встречу с людьми, которые вели бизнес моего отца. Я хочу, чтобы ты знала – при виде меня ты должна представлять себе отца за рулем его ржавой и грязной империи. Флотилии грузовиков, четырех ресторанов, придорожных кафешек, городского рынка, который он купил за бесценок, косметического центра. Конторы по продаже недвижимости. На его месте ты увидишь меня. Но я не буду неотесанной и грубой, как он. Он был достаточно дальновиден, чтобы нанять мне частных учителей по английскому, математике и этикету. Если тебе что-то нужно, мама, просто назови сумму. Я освобожу этот дом с венским холлом для тебя. Я оставлю тебе две машины. У меня только одно условие – избавься от доктора Хранова. Не встречайся с ним больше. Это же так просто, правда?

– Нет, – ответила она.

Солнце уже забило под кремовые обои салона, сделав их золотистыми. Мне казалось, что вся комната окована золотом, – золотом, за которое умерло много мужчин, стремившихся завоевать его в кровавых битвах.

– Он все равно тебя бросит, и тогда будет еще больнее. Кто ты без денег отца? Всего лишь стареющая, хоть и красивая, женщина. Когда ты не сможешь покупать себе крема от морщин и платить косметологу и массажистке, когда вместо конной прогулки ты пойдешь мыть полы в каком-нибудь офисе, – а я уверена, что другую работу ты не сможешь себе найти, – уверяю тебя, твоя красота испарится за три недели. Неужели ты сможешь быть украшением, которое доктор Х. показывает своим гостям, когда за твоей спиной не будет железной башни папиных денег?

– Но он любит меня, – тихо возразила мама.

– Есть много женщин моложе и красивее тебя. Неужели ты этого не видишь? Доктор Х. ведь тоже не слепой, уверяю тебя.

Она долго молчала. Солнце ползло по ее щекам, превращая их в сияющие бездны, в которых нашло смерть много отчаянных храбрецов.

– Твоего отца застрелили, – тихо прошептала она. – Тебя тоже когда-нибудь застрелят, и мне кажется, что я не буду плакать по тебе.

Моя жирная рука потянулась к скрытой кнопке.

– Зовешь Эндрю и Бориса, чтобы они и меня выгнали? – презрительно поинтересовалась она.

– Нет, что ты, я просто велела им впустить следующего посетителя. Я хочу, чтобы ты увидела, кто пришел.

Подчиняясь всемогущей кремовой кнопке, дверь бесшумно открылась. Мне казалось, что отец восхищался этими чудесами техники и смотрел на них, раскрыв рот; при жизни он так и не разобрался, где включается компьютер. В великолепный холл, в котором даже трубочки для сока были из Вены, вошел мужчина. Он был невероятно красив. Его туфли сияли, как драгоценные камни, безупречный костюм идеально подчеркивал широкие плечи атлета и благородные волны волос. В руках мужчина держал такой пышный букет, что даже роскошный венский холл поблек от зависти.

– Галентин! – воскликнула мама. – Галентин, дорогой, но ведь ты...

Мой галантный гость сдержанно ей кивнул и приблизился ко мне.

– Любимая, я пришел просить прощения за свое глупое поведение... Ты права, я поступил с тобой грубо и некрасиво. – Он подал мне букет, который я без особенного трепета приняла и оставила на кушетке у столика. Затем гость поспешил схватить мою руку и поцеловал ее с таким пылом, словно хотел прожечь ее губами до костей.

– Госпожа Карамонева, – обратился он к моей матери с великолепным холодным поклоном. – Вы не могли бы быть так любезны и оставить нас наедине?

– О... я... – начала она, но Галентин уже повернулся к ней своей прекрасной спиной.

Мама пошла одна к выходу, у которого стояли ее бывшие телохранители Борис и Эндрю. Думаю, они ей поклонились, потому что в свое время она была очень щедра к обслуживающему персоналу.

ПЕРЕВОДЫ ГРИГОРИЯ АРЗАМАНОВА

АЛЕК ПОПОВ

ALONG THE CABLE

Петр Моканин, статный русый цыган с кудрявыми усами, сидел во дворе и жег кабели. Пламя излучало сильное синтетическое тепло, сливавшееся с послеполуденной жарой. Мужчина был по пояс раздет; по его рукам, будто озорные чертята, ползли синеватые татуировки. Густой едковатый дым взвивался к небу и затмевал солнце. Горящая пластмасса шипела и с трудом капала на землю. Пш-ш-ш-ш-ш... Рядом вертелся огромный мохнатый пес и рычал на огненные капли. По груди Моканина стекали струйки пота. Время от времени ветер направлял дым прямо ему в лицо, и глаза от этого заполнялись горьковатыми слезами. Пламя хищно обгладывало толстый кабель. Как только оно сгрызало одну часть, мужчина подавал ему новую порцию, и так пока не оставался только черный обугленный провод. Таким образом он уже обработал несколько кусков. Это был самый досадный момент во всем этом

ремесле, но его никак нельзя было обойти. На заводе принимали только чистый металл. Таковы были правила.

Из небольшого приемника, закрепленного на кирпиче за его спиной, доходил плавный ритм бесконечного кючека¹. Он закрыл глаза и представил себе голую талию танцовщицы – белый, изящно впалый живот игриво покачивался между кисточками короткой блузки и низко сидящими шароварами. В пупке светился яркий алмаз. Камень подскакивал в такт с подтянутыми мышцами и разбрызгивал отблески, похожие на электрические искры. Молодой мужчина застыл, очарованный дивным видением. Кабель проплавился почти до его рук. Собака бдитительно гавкнула. Мужчина тряхнул головой, отмотал еще кабеля и тяжело вздохнул. Нелегкой была жизнь Моканина, но если сейчас, скажем, ему предложили бы вернуться в город и устроиться на работу, он бы презрительно усмехнулся. Разве есть на свете большее счастье, чем быть самому себе господином? Бродить по необъятной равнине в жару и стужу и знать, что над тобой нет никого, кроме одного лишь Аллаха! Откуда исходило то мощное чувство свободы, Моканин не понимал, а только смутно догадывался... Вот проходили разные люди, прокладывали кабель – под землей, над землей, – оплетали весь мир сетью, а после прошел он, унес кабели, оголил их медную сердцевину и продал ее как вторсырье. Воистину удивительное дело.

Внезапно собака вскочила и яростно залаяла. Моканин поднял голову. В стороне, на шоссе остановился старый побитый «москвич». За машиной был прицеп. Внутри лежала приунывшая коза с желтоватой линялой шкуркой. Около ворот суетился глуповатого вида здоровяк с опущенными плечами и в выцветшей лесничьей шапке. Он явно хотел спросить о чем-то, но боялся войти.

– Лежать! – крикнул Моканин псу и дал знак незнакомцу, чтобы тот зашел. Мужчина прошел мимо кусков металлолома, разбросанного по двору, пробурчал «добрый день», посмотрел на дорогу, снова пробормотал «добрый день» и замолчал. Много народу проходило мимо него в те годы, много видел он разных бед, поэтому сразу догадался, что и у этого незнакомца крестьянина на уме была какая-то страшная забота. «Э-эх, черт бы побрал, конца и края вам нет!» – подумал он про себя.

– Что привело тебя сюда, человек?

– Да эта наша... да брось! – здоровяк махнул рукой и неожиданно спросил: – Ты Петр Моканин?

– Я... – ответил молодой цыган и насторожился. – А ты кто такой?

– Гуню – вздохнул мужчина.

Моканин перевернул ящик и пригласил мужчину сесть.

– Ты, Гуню, кажется, я тебя знаю... Ты откуда?

---

¹ Кючек – музыкальный жанр и вид танца, возникший на Балканах в XIX в. Изначально жанр возник в среде османских военных музыкантов. В наше время произведения этого жанра являются характерной особенностью репертуара цыганских ансамблей. Кючек крайне популярен среди албанцев и цыган-мусульман. – *Прим. переводчика.*

- Из Георги Димитрова... Малката Августа сейчас он называется.
- О-о-о, и как там у вас? – подхватил Моканин. – Кабели есть? Тут-то совсем не осталось.
- Крупный человек вздрогнул и бросил долгий испытывающий взгляд.
- Есть, – ответил он осторожно, – я бы не сказал, что нет.
- Тут уже не осталось... – повторил Моканин и уставился на столбы около шоссе. Над ними кружили стаи ласточек. Приближался конец лета, и птицы собирались улететь на юг. Он вспомнил, что в свое время ласточки тысячами усаживались на проводах и так густо сидели одна возле другой, что походили на острую бритву. Это ему не нравилось. Ему казалось, что они накликают беду. Этой весной Моканин срезал провода, чтобы их продать, и сейчас птички напрасно искали, куда бы сесть; они метались туда-сюда и пронзительно верещали. «Ну что за напасть!» – сказал себе Петр.
- Я от Сали, – сказал Гуню после неловкого молчания.
- Что еще за Сали, – прикинулся удивленным Моканин.
- Ну, этот... автомеханик. Разве ты его не знаешь? – испугался крестьянин.
- Так бы и сказал сразу, мужик! – хлопнул его по плечу Моканин. – Автомеханик! – Мы с ним сколько друг друга знаем, эхе-е-е-е! Как он там? Чем занимается?
- Ну, чинит одну из этих здоровых БМВ... – оживился Гуню.
- О-о-о! Неугомонный он человек, – Моканин покачал головой. – У него золотые руки, чтоб ты знал.
- Ага, золотые... – закивал Гуню без особого энтузиазма. Явно что-то другое было у него на уме.
- Да и сердце у него золотое, – продолжил увлеченно молодой цыган. – Только и думает, что бы доброе сделать. Приходит к нему кто-нибудь: так вот и так, мастер Сали, беда у меня приключилась. А тот сразу: беги к Моканину, он знает что делать... Пропади пропадом Сали Яшар! Ну, и я к нему направляю разных людей время от времени... Так что вот так, может, и в Джанет попадем вместе!
- А? – крестьянин вытаращил глаза.
- Ладно, эти дела, Гуню, не твоя забота, – сказал Петр Моканин. – Говори теперь, в чем твоя проблема.
- Ну это... пожалуй, это не совсем законно, – продолжил Гуню, наклонив голову, – ну, а я знаю, что ли... Он, луг-то, он мой, да только тот кабель все портит...
- Какой кабель? – Моканин наострил уши.
- Вот такой, здоровый! – сказал Гуню и раздвинул свои великанские ладони.
- Ну и ну! Такой? Где?
- У луга. Прямо снизу проходит.
- Серьезно?

– Да точно. Такая беда! – Гуню простонал. – Я этот луг себе не хотел. Мне по жребии выпало, в прошлом году, когда мы землю делили... Мне всегда так везет!

– Ты про кабель скажи! – напомнил ему Моканин.

– Ох, конца и края нет этому всему! – пропыхтел коренастый человек. – Месяц назад, значит, иду я пасти козу. Жарко так было, стало быть, полдень. Луг находится над селом, почти у леса. Сажусь я в тени отдохнуть. Коза ходит рядом, здесь травку щипнет, там щипнет, в какой-то момент смотрю на нее – легла на одно место, посреди луга. Я ее зову, чтобы в тень шла. Она – нет. Ну, говорю, тогда лежи, хоть лопни от жары, коли такая упрямая. После заснул. Час ли, два ли спал, не знаю. Просыпаюсь, смотрю – коза все там же. Не двинулась!

– Ну и ну! – проговорился Моканин.

– Да! – сказал Гуню. – Спустя два дня опять приходим на луг, и коза – шлеп, на то же место. Лежит, не шевелится. Я себе сказал тогда – добром это не кончится. Я слышал, что когда коза так находит себе место, там точно зарыт клад.

– И я такое слышал, – подтвердил Моканин.

– Да, но... вот нет! – с горечью вскрикнул крестьянин. Нам всегда так везет!

– Кабель, да?

– Кабель, мать его! – процедил Гуню. С тех пор чахнет у меня коза. И молоко у нее стало таким... синим.

– Что, прям синее?! – Моканин посмотрел на него недоверчиво.

– Не веришь, да? – спросил мужчина. – Пошли!

И он почти насильно потащил Петра к «москвичу».

Коза лежала на охапке соломы и кротко глядела на обоих мужчин печальными глазами, будто хотела сказать: «Не мучайте меня, люди!» По ее спине ползало несколько мух.

– Ну же, Нонка! Встань, дай на тебя человек посмотрит! – сказал Гуню, прогнав мух широким взмахом. Коза душераздирающе проблеяла. Он аккуратно подхватил ее и поставил на ноги. Внизу белело тяжелое раздутое вымя. Гуню дернул лохматый, продолговатый сосок. Хлынула яркая синяя струя.

– Хорош! – воскликнул Моканин. – А на вкус? Какое на вкус?

– Еще хуже – поморщился Гуню. – Один раз отпил, ну так, попробовать. А оно горчит, потом мне в голову так ударило... Весь день ходил словно пьяный, такие вещи мерещились, страшно рассказать.

– Ну, ну, ну! – изумился Моканин. – А к доктору ты ее водил?

– Доктора! Сколько дохтуров обошли... – проворчал презрительно Гуню. – Хорошо, что к Черной Марии сходил. Все ей рассказал, а она сразу объяснила: Гуню, знай, все это зло от кабеля того. Из-за кабеля животина больная! Ты должен взять и вытащить тот проклятый кабель, а то все твое добро сгниет, да и сам ты в живых не останешься!

– Такие дела. С тех пор и не спится мне. Я и приблизиться к лугу теперь не смею. Народ траву покосил, прибрал сено, один мой луг простаивает. Трава полегла, стала блестящая такая и жесткая, металлом пахнет... Люди мне говорят: ну, Гуню, чего ж ты луг не покосишь? – но я то знаю...

– И тогда, – продолжил Гуню, – я пошел к Механику. Думаю себе, этот Сали в машинах разбирается, значит, в проводах разберется. А он говорит: нет, в проводах не понимаю ничего. Крыло тебе выстучать, бампер заделать, с двигателем там что – это пожалуйста. А кабелями я не занимаюсь. Иди к Моканину, вот он по проводам. Нет, говорит, большего мастера по проводам, чем он... А правда? Ты ли лучший спец?

Но Моканин не слушал его. Вдалеке, около разваленных цыганских хижин появилась Албена. Ее вели двое полицейских. Ее грудь свободно покачивалась под тонкой рубахой. Ее движения были гибкими и ленивыми, как у зрелой женщины, хотя ей не было и пятнадцати. Через длинный разрез на юбке виднелись стройные и круглые бедра. Шла она в сланцах.

– Что опять натворила? – спросил Моканин, когда они поравнялись.

– Она-то знает! Она-то знает!.. – промямлили мужчины..

Албена посмотрела на него пристально, потяжелевшими от влаги глазами. Несколько блестящих кудрей вилось по ее голой шее.

– Братец, а ты очень хорош, братец... – сдавленно промолвила она и улыбнулась угоднически, обещающе.

– Давай иди уже, божье наказание! – заталкивали ее полицейские.

Но она не двинулась с места. Ее лицо проступало сквозь жару неясными очертаниями, такое улыбающееся, будто омытое прозрачной слизью... Те двое схватили ее под мышки и затолкали в служебную «ладу», остановившуюся в начале дороги. Рубашка девушки приподнялась, под ней блеснул гладкий, матовый живот. В пупке красовалась огромная бусина. Сердце Моканина подскочило.

– Кто это такая была? – Гуню толкнул его.

– Мы ее шлюхой зовем – ответил Моканин, загипнотизированный игристыми отблесками бусины.

– Не к добру.... – прошептал он.

– Что говоришь? – испугался крестьянин.

– Говорю, может, бросим эту затею, а?.. – сказал молодой цыган и почесался за ухом.

Полицейские запихнули Албену в машину и повезли. За секунду до того, как облако пыли поглотило их, ее лицо расцвело за задним стеклом и исчезло.

– Перестань, мужик! – взмолился Гуню. – Ты наша последняя надежда. Бедняки мы, нам очень нужен наш луг!

– Ну, не знаю... – вздохнул Моканин. – Эта Албена еще принесет с собой какую-нибудь беду.

– Ты хоть не начинай! – подхватил Гуню. – Ты ведь разбираешься в электричестве, неужто будешь переживать из-за какой-то бабы...

Моканин задумался.

- Здоровый, говоришь... – сказал тот, слегка погодя.
– Вот такой! – крикнул Гуню и снова раздвинул ладони.
Моканин заглянул в дырку, слегка прищурился, подумал о чем-то и сказал:
– Погоди, сейчас я возьму инструменты.

Из леса подул холодный ветер, пахнувший грибами и мокрыми листьями. Небеса, отягощенные гроздьями звезд, почти касались печных труб. Мерцали огни сельской площади. Из трактира доносились звуки чалги¹. Там и сям мигали лиловые экраны старых телевизоров. Двое мужчин взобрались на холм над селом и остановились, чтобы отдохнуть.

– Глади, какая ночь! – сказал Моканин, положив сумку с инструментами на землю.

- Нас не увидят? – прошептал Гуню.
– Луг твой?
– Да, вроде мой, но этот кабель там... Откуда мне знать?
– И кабель твой! – отрезал Моканин.

– Давай, Нонка, пришли! – сказал Гуню и пошел через высокую влажную траву, наполненную разными звуками. Коза тащилась позади него, будто пьяная. Вымя у нее глупо болталось туда-сюда. Цыган шел следом. Какое-то время они шли, не нарушая молчания. После остановились. Моканин посветил фонариком. Они стояли перед широкой ямой, на дне заискривающе поблескивал толстый черный кабель.

– Вон он, мать его! – процедил Гуню.

Моканин не сказал ни слова, сунул фонарик ему в руки и спрыгнул вниз.

– Этот кабель, должно быть, очень старый, – сделал он вывод, осмотрев кабель со всех сторон. – От кусачек здесь толку мало будет... Надо рубить.

После он вылез на поверхность и раскрыл сумку. Натянул огромные резиновые перчатки, надел темные очки, схватил топор и залез обратно.

– Осторожно! – крикнул он и замахнулся.

Клац! Клац! Готово. Искр не было. «Э, да ты мертвый кабель!» – сказал он с некоторым разочарованием и снял очки.

Он не мог ничего увидеть. Ни зги не видно!

– Гуню, ты куда пропал! – крикнул Моканин.

Что-то было не так. Он поднял голову. Все небо погасло. И что теперь?! Он вылез на ощупь из ямы и оглянулся вокруг. Ничего! Мир исчез.

– Моканин... – невдалеке отозвался Гуню.

– Гуню, дурень, что мы натворили! – раздался одинокий вопль.

Коза пронзительно заверещала.

– Нонка-а-а-а-а! – закричал крестьянин.

– Гуню! – заорал Моканин.

---

¹ Чалга (от турецк. çalgı – «музыка», «игра на музыкальном инструменте») – это музыкальный стиль, который приобрел популярность на Балканах. В жанровом отношении чалгу можно охарактеризовать как этно-поп музыку. Она сочетает в себе болгарские, сербские, арабские, турецкие, греческие и цыганские мелодии. Исторически чалга восходит к городским ансамблям времен Османской империи и болгарского возрождения. – *Прим. переводчика.*

Воздух начал остывать. Голоса становились все слабее и глуше, отдаляясь все дальше, до тех пор, пока совсем не потерялись в непроглядном мраке.

ЗДРАВКА ЕВТИМОВА

НАСЛЕДНИЦА

– Я очень разочарована, нет, правда, на самом деле, очень разочарована, – заявила мать.

В последнее время она похудела, стала будто аристократка из мыльных опер, и, так же как они, она нарисовала себе темные круги отчаяния под глазами. Следует признать, она очень хороша собой... Доктор Хранов, мужчина, с которым она живет, стоит рядом и услужливо подает ей стакан воды, задерживая ее руку в своей. Он страшно влюблен в нее, и ведет себя так, чтобы это было заметно каждому.

– Разочарование твоей матери двойственно... – вторит ей врач, но тут же ловит недобрый огонек из зеленых глаз матери, и замолкает. – В общем я хотел сказать, что она сама тебе скажет.

– Разумеется, я побеседую с ней, дорогой, – недавно мама переняла моду обращаться к нему «дорогой» на английский манер. Она пьет чай с молоком по-английски, заказывает одежду из Великобритании, она ищет массажистку со знанием английского и домработницу, которая будет гладить белье по-английски...

Единственная болгарская вещь, которой она пользуется, – это вот этот надменный врач, безумно отощавший из-за любви к ней.

– В первую очередь, я разочарована твоим жестоким отношением к Галентину. Бедняжка рассказал мне, как ты запугала его, вытягивая из него обещание жениться на тебе. Конечно же, этого не случится. Забудь, что ты когда-то была с ним знакома. Бедняжка, бедный Галентин – другое любимое мамино словечко – это «бедняжка». Вообще, когда она не знает, что сказать, она тут же выстреливает «бедняжка». – Он, само собой, не женится на тебе, не сомневайся, никто во всем городе этого не сделает, если...

– Еще как сделает, разумеется, – успокоила я ее. – И ты, как современная женщина, знаешь, почему каждый поспешит меня сделать своей спутницей жизни. Несмотря на то что я толще тебя в четыре раза.

Наступила неловкая, плотная, как сталь, тишина. Моя мать, человек умный и деловитый, привыкла говорить по существу. Но сейчас перед ней никакого значимого существа не было, поэтому она просто хранила молчание и была красивой.

– Деньги – это еще не все в этом мире, – заявил доктор Хранов.

– Да, это лишь наилучшая его часть, – согласилась я миролюбиво.

Помещение, в котором мы втроем находимся, – это роскошная венская гостиная, расположенная в новом доме, купленном моим отцом незадолго до того, как его застрелили. Тут он превзошел сам себя в попытках угодить девицким причудам своей жены. Если сейчас она без ума от всего английского,

то тогда она млела от всего венского: машина для нее была куплена на Менцельштрассе, обивка для салона в самом дорогом венском магазине, даже трубочки для свежевыжатого сока были куплены там, чтоб было как подобает. Паркет был молочно-бежевого цвета, блестящий, словно зеркало, занавески – кремовые, мебель – еще более кремовая. А лицо мамы в этой сахарной одиссее было похоже на крем-брюле. С недавних пор она стала пить только красное вино; доктор Хранов был абсолютным трезвенником и воздерживался от употребления алкоголя, настолько, что даже его тень пахла дезинфекционным раствором; мало того, я даже подозревала, что, судя по язвительному выражению маминого лица, он воздерживается и от секса. В гостиной было очень тихо, и мне это нравилось.

– Со стороны твоего отца было несправедливым шагом передать все имущество лишь тебе одной, – заявила мама. В этот момент она была похожа на ребенка, у которого только что вырвали из рук наполовину съеденное мороженое.

– Он меня любил так сильно, а в завещании оставил мне столь смешную сумму. Никак не прокомментировав сказанное, я продолжала попивать апельсиновый сок, ожидая продолжения ее мысли.

– Даже дом, в котором мы находимся, принадлежит тебе, ты можешь выгнать меня, как только пожелаешь, – это прозвучало так грустно, что, если бы я ее не знала, я бы скорбела по ней целых три года.

– Да, могу, – вздохнула я, – но для начала я выгоню только доктора Хранова. Доктор яростно закусил трубочку, вероятно намереваясь окунуть свое лицо в апельсиновый сок, и закашлялся. Его тонкое продолговатое тело, хотя и завернутое в костюм от Версаче, прилипло к маминым плечам, будто чахлая водоросль.

– Ты не можешь так поступить! – возразила мама. Ее голос прострелил тишину несколькими автоматными очередями гнева. Доктор держался за нее и смотрел на меня с ужасом. – Ты выгоняешь Митю из своего дома.

– Да, разумеется. Я выгоняю Митю из своего дома, – произнесла я совсем спокойно. – Доктор Хранов, – обратилась я учтиво. – Пожалуйста, я могу вам сказать это и по-английски, но подозреваю, что вы меня не поймете. – Вон из моей венской гостиной!

– Но ты толстая. В скором времени у тебя будет учащенное сердцебиение, твое сердце будет барахлить, как старый выдвижной ящик, у тебя случится гипертонический криз и тебе понадобится помощь доктора, – мамин голос уже не стрелял автоматными очередями, он буквально распадался от ярости на отдельные слоги и звуки.

– А ты не думаешь, что с деньгами моего отца я могу вызвать себе врача из Лондона или Парижа, который лучше позаботится о моем состоянии, – предположила я.

Мама не выдержала и попыталась расплакаться... Надо признать, что получилось у нее весьма эффектно. Когда я была маленькой и видела ее плачущей, отец стоял грустный, подавленный и убитый горем и жалостью к ней,

мне казалось, что весь мир гибнет. Я бы все сделала, чтобы успокоить ее тогда. После мокрого спектакля на ее пальцах сверкало новое кольцо, а на запястье – браслет. Стало ясно, что только бриллианты способны остановить наводнение в ее глазах.

– Теперь, когда я бедна, – мать всхлипнула, – можешь делать со мной все, что тебе вздумается.

– Не с тобой, – пояснила я спокойно, потому что даже без кольца с бриллиантом ее слезы осязаемо иссыкли. Вероятно, она осознала, что весьма трудно купить ей бриллиант прямо сейчас. – Уважение и мое восхищение тобой сохраняются в той же степени, уверяю тебя. Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Несмотря на свою исключительную красоту, мама отнюдь не выглядела аппетитно, когда начала рефлекторно глотать слюну.

– Мне рассчитывать на твою помощь? – воскликнула она, схватившись за сердце. – Мне рассчитывать на тебя!

Даже тонкий слой румян не смог скрыть, что ее лицо побледнело и стало плавно зеленеть, приходя в резкий контраст с кремовыми оттенками венской гостиной.

– Ты довела свою мать до криза! – гневно заявил доктор. Потом, судя по всему, он подумал, что недостойно срываться на крик на глазах у какой-то там толстухи, поэтому он оправил болтавшийся на его костях, блестящий пиджак от Версаче, чтобы дорогой костюм не висел на нем словно флаг. – В сущности, я не забуду, что ты наймешь врача из Лондона или Парижа, который будет заботиться о твоём здоровье. Будь уверена.

Я знала, что доктор Хранов превосходит меня в красноречии раз так в сто, поэтому я просто повернулась к нему спиной, протянула свою толстую руку к письменному столу и нажала на скрытую, почти незаметную, кремевую кнопку.

– Да ты оказывается еще и наглая, – констатировал доктор, – я не знал этого. Нечто неприсущее толстым женщинам...

Предполагаю, что со спины я выгляжу массивнее, тем не менее я оставила доктора рассказывать моей шее, что присуще толстым женщинам, а что нет. Спустя считанные секунды в венский холл вошли два моих телохранителя – это обычный результат нажатия на скрытую кремевую кнопку. Не было необходимости что-либо им говорить. Я просто показала краем подбородка в сторону доктора. Двое молодых схватили доктора Хранова под мышки и одновременно сделали поклон головами в сторону мамы в знак уважения к ее прекрасной особе. Она же безмолвно следила за действием, теряя даже зеленоватый цвет лица, сокрытого изящным слоем румян.

– Просим прощения, мадам, – сказали они одновременно, словно две головы одного двуглавого змея.

– Борис, Андрей, немедленно отпустите меня! – приказал им доктор Хранов, но мой толстый подбородок снова опустился к полу – ребята отлично знали, что это значит, они тут же подняли эту медицинскую водоросль,

вместе с ее дорогим костюмом от Версаче и вот так, влача ее по воздуху, оторванную от несокрушимой скалы маминой любви, понесли ее к выходу. Было очень приятно наблюдать, как неестественно длинные ступни доктора дрыгаются в окружающем пространстве.

– Борис, Андрей! – приказала мама. – Сейчас же поставьте доктора Хранова на пол и извинитесь перед ним.

Двое мóлодцев застыли на месте, но не отпустили отскобленную водоросль; она вместе с аристократично серым костюмом осталась болтаться между полом и потолком, надежно прижатая под мышками. Маленькое отступление: Борис и Андрей были телохранителями, которых мой отец когда-то нанял для моей матери, по сути она сама их выбрала. Когда она еще не загорелась английской культурой, требования матери насчет охраны были неукоснительными: ее личные телохранители должны были быть не ниже 185 сантиметров, не старше 28 лет и обязательно должны были родиться под знаком Тельца. Мама обожала знак зодиака Телец, потому что, согласно ее гороскопу, она якобы могла установить с представителями этого знака прочный внутренний контакт. Однако внутренний контакт, который она установила с ними, по всей видимости, заржавел.

– Борис, Андрю! – крикнула она повелевающе, но мой толстый подбородок опустился еще на полсантиметра ниже. Телохранители заметили это – добавлю, что перед тем как их нанять, у моего отца был выбор: 37 претендентов боролись за их место. Эти двое могли стать космонавтами – это что касается идеального состояния их здоровья. Отец заплатил за все виды исследований в Софийской медицинской академии, узнал, не имеется ли людей с психическими отклонениями в роду у обоих, не проявляются ли какие-либо извращенные сексуальные желания в их поведении. У мамы должно было быть все самое лучшее, и так оно и было...

Борис и Андрю были достаточно сообразительными, чтобы понять, что теперь я плачу им зарплату. Новость о том, что крупное имущество своего отца наследую я, дошла до них небезболезненно, лишь после того как я оставила их на два месяца без зарплаты за неподчинение моим указаниям. Кроме того, им стало известно, что либо они появляются спустя полторы секунды после нажатия на кремовую кнопку, либо слышат «До свидания!» Поэтому не было необходимости что-либо им говорить. Мамин вопль повис в пустыне чуткости телохранителей. Тот, что на мой взгляд был остроумнее, спросил:

– Нам его на улицу вынести, госпожа? – не нужно было слов, я просто показала толстым кончиком подбородка в сторону двери, и этот сноп водорослей – душа и конечности доктора Хранова – был вынесен из кремовой атмосферы гостиной в холодную атмосферу мартовского дня. Все еще шел противный снег, уж поверьте мне.

Мы с матерью остались одни.

– Ты отвратительна, – прошептала она, впиваясь в меня зелеными дулами своих глаз. – Почему ты им не прикажешь выбросить и свою собственную мать. Хотя тебе незачем этого делать, я сама уйду.

– Мама, – обратилась я к ней тихонько. – Я буду хорошо к тебе относиться. Тебе всегда рады в этом доме, как и в любом другом, который мой отец посчитал правильным оставить мне после смерти. Но я прошу тебя, никогда не приводи доктора Хранова. Если я его еще хоть раз увижу на принадлежащей мне территории, я распорядюсь стрелять в него как в вора.

Мама схватилась двумя руками за столик из черного дерева. Было видно, как она дрожит и как искривились ее губы.

– И за что? – успела она выдавить из себя, возвращая пресловутое самообладание, которое, на мой взгляд, стоило гораздо больше денег, чем все эти гроши, спущенные во имя ее благоденствия на всяких косметологов, модных дизайнеров и психологов.

– За то, что ты бросила моего отца ради доктора Хранова, – ответила я, и это была суцкая правда.

– Я буду оспаривать завещание, – прошептала мама. – Несчастливая! – воскликнула она, как бы сама описывая себя. Неужели она не знала, что на отцовы деньги я держала при себе лучших адвокатов – все суды, весь город?

– Боже мой, – продолжила она, – какое-то время я жалела тебя, из-за того что ты такая толстая. Из-за того что ты похожа на кучу навоза, а не на молодую девушку. И зачем тебе будут нужны все эти деньги? Зачем? Ты не купишь на них ни любовь, ни уважение людей.

– Куплю, – прервала я ее спокойно. – Я могу заказать себе мужчину по телефону, – могу заказать прямо при тебе, – какого только пожелаю. Высокого и стройного, русого. Высокого и стройного, темноволосого. Если мне взбредет в голову, я могу вызвать себе низкого, лысого и толстого, как я.

– Но это... – подхватила она, но вовремя остановилась, потому что была умной женщиной и знала, что нужно принимать во внимание деньги на счету в банке. Всесильные банкноты, которые стоили больше, чем любовь, доброта и человечность всего мира. Конечно, ей это было известно. – Но ты... чудовище.

– Могу заказать себе и девушку, если мне захочется, – заявила я ей. – Высокую и русую или низкую, коренастую и толстую вроде меня. Я могу даже заказать себе двух девушек на завтрак, после обеда в пять, перед кофе, или в семь вечера после вечернего выпуска новостей.

Она молчала. Она уже не смотрела на меня. Ее руки перестали дрожать, просто из-за того что она вся оцепенела.

– Но я не сделаю этого, мама. Я не вызову себе девушку – ни русую и стройную, ни толстую и коренастую. Не закажу я себе и русого супермэна. Просто через полчаса я встречу с людьми, которые крутились в бизнесе моего отца. Я хочу, чтобы ты знала: глядя на меня, ты должна представлять себе моего отца за штурвалом его грязной и проржавевшей империи. За штурвалом флотилии грузовиков, четырех ресторанов, нищенских трак-

тиров, косметического центра и городского рынка, который он купил за бесценок. За штурвалом агентства недвижимости. Ты должна видеть меня на этом месте. Хотя я и не матерюсь, в отличие от него. Он был достаточно дальновиден, чтобы нанять для меня частных учителей по английскому языку и математике, по обучению хорошим манерам. Если хочешь, чтобы тебе было хорошо, мама, просто скажи мне, в чем ты нуждаешься. Я освобожу этот дом для тебя, вместе с венской гостиной. Я оставлю тебе два автомобиля. У меня лишь одно условие – ты бросишь доктора Хранова. Понимаешь?

– Нет, – ответила она.

Солнце заполнило собой кремовые обои в гостиной и сделало их золотистыми. У меня сложилось чувство, что вся комната окована золотом, за которое погибло много мужчин, стараясь заполучить его в кровавых битвах.

– Он все равно оставит тебя, и тогда тебе будет еще больше. Кто ты без денег моего отца? Стареющая, пускай и красивая женщина. Когда ты не сможешь покупать кремы от морщин и не сможешь платить своей массажистке с косметологом, когда вместо того, чтобы отправиться на конную прогулку, ты отправишься убираться в чьем-нибудь офисе, – а другую работу ты не сможешь найти, я тебя уверяю, – тогда красота твоя испарится недели за три. Неужели ты сможешь быть той драгоценностью, которую доктор Хранов будет показывать своим гостям, если за спиной у тебя не будет стальной башни папиных денег?

– Но он меня любит, – тихо возразила мама.

– Есть много женщин моложе и красивее тебя, неужели ты не видишь этого? Доктор Хранов тоже не слепой, уверяю тебя.

Она долго молчала, солнце ползло по ее щекам, превращая их в сверкающие пропасти, в которых нашли свою смерть много отчаянных людей.

– Твоего отца застрелили, – прошептала она тихо. – И однажды тебя тоже застрелят, и мне кажется, что я не буду сожалеть об этом.

Моя рука, омываемая морем сала и жира, потянулась к скрытой кремовой кнопке.

– Вызываешь Андрю и Бориса, чтобы они выкинули меня? – спросила она презрительно.

– О, нет, просто распорядилась, чтобы они впустили следующего посетителя. Я бы хотела тебе показать, кто он.

Подчиняясь всемогущей кнопке кремового цвета, дверь совсем бесшумно открылась; мне казалось, что отец радовался всем этим чудесам техники и смотрел на них с разинутым ртом: за свою жизнь он так и не узнал, где надо включать компьютер. В великолепный холл, в котором даже трубочки для свежесжатого сока были куплены в Вене, вошел изумительно красивый мужчина. Его туфли источали 24-каратовый блеск, а его безупречный костюм подчеркивал широкие, атлетически сложенные плечи и благородные волны его волос. В руках мужчина держал настолько роскошный букет цветов, что даже блеск венского холла побледнел от зависти.

– Галентин! – воскликнула мама. – Галентин, дорогой, но ты...

Мой галантный гость сдержанно кивнул и приблизился ко мне.

– Я пришел извиниться, дорогая, за свое глупое поведение... я действительно поступил грубо и дерзко с тобой, – он подал мне букет, который я без особого волнения положила на диван у столика. После этого мой гость поспешил схватить мою ладонь, чтобы целовать ее с таким жаром, будто хочет дойти губами прямо до костей.

– Госпожа Карамонева, – он повернулся к моей матери с великолепным холодным поклоном. – Прошу вас, не могли бы вы оставить нас одних?

– О... я, – отозвалась она, но Галентин уже повернулся к ней своей красивой спиной.

Мама сама двинулась к выходу, туда, где стояли ее бывшие телохранители Борис и Андрю. Могу предположить, что они ей поклонились, ведь она всегда была щедра к обслуживающему персоналу.